

Игорь Потоцкий

Проза разных лет

Дядя Сеня пишет пьесу

Первый класс я закончил в Одессе.

Я жил тогда с бабушкой Цилей, тетей Лидой, ее мужем Сеней и моей двоюродной сестрой Беллой. Белка училась в третьем классе и считала себя ужасно взрослой дамой и, понятное дело, крутилась постоянно возле зеркала.

– Белка, тебе не надоело?

– Вот еще, приставучка, – томно говорила Белка. – Не суй свой нос, куда не следует. Дай мне завершить туалет.

Она всегда опаздывала в школу, а я опаздывал из солидарности.

Когда мы шли в школу на улице Комсомольской, Белка меня поучала:

– Веди, Гарик, себя прилично.

– Постараюсь, – раздраженно буркал я, потому что уже тогда не терпел поучений.

Но сейчас я хочу рассказать о дяде Сене, потому что больше людей с таким огромным темпераментом я не встречал, будто они внезапно исчезли из нашей жизни.

Дядя Сеня любил зарабатывать деньги. Он был игроком, заранее продумывающим все свои ходы; из него мог бы получиться сносный полководец, но никто ему армии не доверил. Даже дивизии, полка, батальона, роты, отделения. Вот и пришлось дяде Сене направить свою необузданную энергию в другую сторону – стать делаваром. Делаваром он стал отменным – по высшему

разряду. Если бы он дотянул до нашего времени, то наверняка открыл бы самую процветающую фирму в Одессе и без особого труда стал наиболее известным бизнесменом, но он за свои немаленькие деньги не смог создать машины времени и перенестись в наше время.

Дядя Сеня, командуя совсем крошечным цехом по производству тортов и пирожных, всегда выполнял план на 120 процентов. Госплан. Свой личный план он выполнял на 240 процентов, при этом муки, сахара, яиц, масла ему всегда хватало. Все эти (вышеперечисленные) продукты скапливались в нашей квартире в неимоверно больших количествах.

Моя бабушка Циля довольно часто говорила:

– Это добром не кончится, воровать можно, но не в таких количествах. Зачем нам столько муки и сахара? Да и сливочное масло придется выбрасывать на помойку.

Бабушка моя в юности была комсомолкой и ненавидела буржуев лютой ненавистью, а муж ее старшей дочери был из их числа.

– Какой же я буржуй? – возмущался он. – Ведь я член партии, а буржуев в партии не принимают.

Бабушка презрительно фыркала и уходила в свою комнату смотреть телевизор...

Дядя Сеня процветал. Он купил себе «Москвич» и гонял по Одессе. Легковушек в Одессе тогда было мало. Красивых молодых девушек и женщин дядя Сеня развозил бесплатно. Он обзавелся первым частным гаражом на улице Хворостина. А еще он приобрел югославскую мебель. И лишь тогда он сшил себе парадный костюм, но надевал его только в самых исключительных случаях и побоялся взять с собой в Москву, когда поехал на очередной слет ударников пятилетки, потому что его основным жизненным кредо было: не выделяться.

А затем я совершенно случайно подслушал разговор тети Лиды и бабушки.

– Я ему никогда не прощу, – при частых всхлипах повторяла, как попугай, тетя Лида, – что он завел себе молоденькую любовницу.

– Ты его бросишь? – спрашивала бабушка.

– Как же мы будем жить? – вопросом на вопрос отвечала тетька Лида.

Тут я, вспомнив, что подслушивать плохо, поплелся спать.

Утром я думал, что увижу тетю Лиду печальной и заплаканной, но она выглядела довольно сносно и даже пыталась шутить. И не покрикивала на Белку за ее обычное кружение перед зеркалом.

Но вот все стали завтракать.

Дядя Сеня, как обычно, куда-то торопился.

– Послушай, – сказала ему тетя Лида, – ты, кажется, всего достиг, но, к сожалению, одного не можешь, – глаза ее хитро поблескивали из-под полуопущенных ресниц.

– Что же я не могу? – вскипел дядя Сеня.

– Он только считает, что все-все может, – ехидно сказала бабушка Циля.

– Папа Сеня все может, – вступилась за отца Белла.

– А вот и не все, – величественно сказала тетя Лида. – Мой муж не умеет писать пьесы, потому что бог обделил драматическим талантом.

Я совсем не удивился, когда вечером дядя Сеня торжественно объявил о своем решении стать драматургом. А уходить от тети Лиды он на время раздумал. Он никогда не делал два дела сразу.

Все-таки молодец моя бабушка, ведь тетя Лида сама до этого додуматься не могла.

Бабушка Циля

– Ты ничего не понимаешь, – говорит мне бабушка Циля. – Я признаю только один город – Одессу. В этом городе лучший район – Молдаванка. А на Молдаванке есть лучшая улица – Хворостина.

Бабушка Циля делает жаркое. Она колдует над мясом, моет сушеные сливы, режет стебли укропа. Я сижу на табуретке возле кухонного окна и веду светскую беседу. Мне десять лет, а бабушке шестьдесят пять.

– Бабушка, а почему ты готовишь так медленно?

– Ты, ГАРЬКА, проголодался. Потерпи еще часика два, не больше.

У меня нет выдержки. Я хочу попробовать бабушкино кисло-сладкое жаркое. А потом, съев первую порцию, я обязательно попрошу добавку.

– Бабушка, а если ускорить приготовление еды?

– Всему свое время, Гарька.

У моей бабушки Циля философский склад ума. Она говорит афоризмами, но не замечает этого. Мясо уже в казане. Казан стоит на примусе.

– Ты можешь сделать себе бутерброд, – разрешает бабушка.

– Не буду, – гордо заявляю я. – Я пока не голодный. Мне просто хочется попробовать твое жаркое.

Бабушка поет песенку на идише. У меня нет слуха, и я ей не подпеваю. На идише я знаю несколько слов. Бабушка поет и улыбается. Наверное, ее мама пела ей эту песенку. Или бабушка. Несколько поколений Школьников из Балты пели эту песенку на идише, а вот я ее никогда не спою.

Бабушка Циля хорошо поет. А ведь она никогда не училась пению. Талантливая самоучка.

– Гарька, о чем ты думаешь?

– На ум, бабушка, мне приходят разные глупые мысли.

– Хорошо, что ты сам знаешь, какие они, твои мысли. Но глупые мысли надо выбросить из головы. Зачем они тебе, Гарик?

– У меня не получается, – честно говорю я. – Я пытаюсь, но их становится все больше и больше.

– Вот еще, – говорит бабушка Циля, – не будь глупым: открой окно и выброси их на улицу, только никому об этом не говори. Представь себе, что все наши соседи начнут из окон выбрасывать свои глупые мысли, а те потом будут цепляться к случайным прохожим, и все жители Молдаванки станут глупыми занудами.

– Неужели, бабушка, я – глупый зануда?

– Пока нет, но задатки занудства есть у твоего отца Иосифа. Он хороший человек, но иногда делает глупые поступки.

– Я не замечал ничего подобного, – говорю я.

– У меня более острое зрение, Гарька. Твой отец Иосиф не умеет отстаивать себя. Он хороший врач, муж и человек. Но у него есть глупые принципы, которые он отстаивает с пеной у рта. И он ни-

когда не станет известным врачом. А врач должен быть известным. К нему на прием должна быть большая очередь. Твой отец живет сегодняшним днем, а должен жить завтрашним. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Я выбросил в окно глупые мысли, а умные ко мне сегодня не идут. И я не знаю, что мне ответить бабушке Циле на ее вопрос. И я снова думаю о кисло-сладком жарком из телятины. Я его буду есть маленькими кусочками, не торопясь. Я не понимаю: зачем моему отцу Иосифу лишняя слава? Основная слава у него есть. Он храбро воевал, заработал на войне ранение, два ордена и три медали. И никогда ими не хвастается. Больные и сослуживцы его любят. И мама Рая его любит. И я, Гарик, люблю моего отца.

– У тебя замечательный отец, – говорит бабушка Циля. – Он любит свою семью, терпит меня, свою тещу, лечит людей, не принимает подарки и после каждой зарплаты покупает книги. Азохен вей, я люблю твоего отца. И желаю ему всего самого лучшего, но он должен поставить перед собой цель и неуклонно двигаться к ней. А у тебя, Гарик, есть цель?

– Есть, – говорю я бабушке Циле. – Мне хочется попробовать твоё жаркое.

Боцман

Боцман Жора Брусько любит трепаться о женщинах. Сорок лет он проплавал на сухогрузах. Ему есть о чем рассказать.

Он пьет пиво из бутылки маленькими глотками. Смакует.

– В Марселе я познакомился с мадам Облонской. Ее дедушка, бабушка и ее отец были дворянами. Она была утонченной женщиной, и она была влюблена в меня.

– Жаль, что ты не из дворян, – говорила она мне.

– Я из потомственных одесситов, – отвечал я.

По мне, лучше быть потомственным одесситом, чем дворянином. Больше толку.

Лиза Облонская представляла меня своим знакомым:

– Потомственный одессит Жора Брусько.

Женщины вздыхали, а мужчины приподнимали шляпы. Они не были в нашем городе, но знали о нем все. Понятное дело, знали со слов Ивана Бунина и Исаака Бабеля. Знали совсем не ту Одессу.

Я следил за своей речью и старался говорить медленно и внятно. Я боялся, что Лиза Облонская разочаруется во мне.

Она делала мне подарки. От нее у меня остались часы, зажигалка, портсигар и десять галстуков. А я ей ничего не дарил. У меня было катастрофически мало денег, а надо было появиться домой с подарками жене и детям.

Лиза расстроилась, когда узнала, что я женат. Но не стала выяснять отношения.

– Ты будешь мне писать? – спросила она.

– Буду, – соврал я. Я знал, что не напишу ей ни одного письма. По той причине, что я не умею красиво изъясняться. Для этой цели мне нужен секретарь, но где мне его взять? Да и зачем? Только для того, чтобы он написал за меня несколько писем мадам Облонской?

Я знал, что о семье Лизы писал великий писатель Лев Николаевич Толстой. Я целовал Лизу и думал, что мне привалило большое счастье: целоваться с аристократкой. Я был обыкновенным боцманом, а в ее жилах текла голубая кровь.

Когда мы приступали к любви, она говорила мне «нет!», но не выпускала из своих объятий. Ей было чуть больше сорока, и она была ненасытной в любви. Я подчинялся любому ее капризу.

Три дня и три ночи. А потом...

А потом море смывало с меня грехи...

Он встал, и я удивился, каким он был тщедушным и маленьким. Но и таких любят женщины.

Все-таки он был одесситом.

Софка и Саша

Тетя Клава приехала в Одессу из Рыбницы и привезла с собой свою дочь Софку. Мне было одиннадцать лет, а Софке тринадцать.

Тетя Клава попросила меня показать Софке Одессу.

«Больно надо!» – подумал я, но вслух сказал, что согласен, но пусть моя троюродная сестренка знает, что гид из меня никудышный.

– Но другого нет! – сказала Софка и показала мне язык.

Софка была привлекательной девочкой. Я мог бы в нее втюриться, но я тогда был отвергнут Сашей Ходорченко. Я ей показался плохо воспитанным мальчиком, а она выбирала себе исключительно маленьких джентльменов. Я хотел стать джентльменом, но не успел – Саша меня бросила на большой перемене, громко сказав:

– Гарик, ты мне не подходишь.

Если честно, Софка была соблазнительней Саши. У Саши был плохой характер: она на всех сердилась. На химичку, на меня, на Дерибасовскую и Одессу. Даже на себя она сердилась, но только по пятницам. И еще она никогда не улыбалась. А мне улыбаться за нас двоих быстро расхотелось.

Когда Саша меня бросила, я первую неделю страдал. Я стал ненавидеть всех девчонок моей школы. Мне казалось, что они шепчутся за моей спиной: это тот пацаненок, которого бросила Саша Ходорченко. Если бы у меня был автомат... Хорошо, что у меня его не было.

С горя я стал регулярно делать домашние задания. И из троечника выбился в хорошисты. Классная учителька Мария Степановна стала со мной здороваться за руку – я попал в десятку ее любимчиков.

Саша Ходорченко каждый день подходила ко мне, словно еж к яблоку, и спрашивала:

– Гарик, ты уже не страдаешь?

Я, понятное дело, ничего не отвечал на ее дурацкий вопрос. Ах, если бы у меня была рогатка!

Ладно, вернемся к Софке. Я ее привел на Дерибасовскую и сказал:

– На этой улице исполняются все желания. Только надо приклониться к коре дерева и поводить по ней носом.

Софка так и сделала.

– У меня получилось, – весело сказала она. – Что дальше?

– Теперь ты должна загадать желание, но про себя, и мне о нем ничего не говорить.

– Жаль, что тебе только одиннадцать лет!

Неужели она это сказала, или мне померещилось? Впрочем, уточнять я ничего не стал.

Потом в кафе «Алые паруса» мы поели мороженое. Софке я заказал двести грамм, а себе сто – боялся, что у меня не хватит денег. Слава богу, хватило.

А потом я водил Софку по Дерибасовской и боялся, что на нас нападут пираты. И захватят девочку в плен, а меня отпустят. Но пираты, наверное, в этот день отдыхали.

Я рассказал Софке из Рыбницы, что одесский оперный театр прилетел из Вены. Просто ему надоели австрийцы, и он решил пожить среди одесситов. В нашем театре, говорил я Софке, живут настоящие домовые. Они наряжаются по ночам в театральные костюмы и поют свои оперы. Каждая из которых длится тринадцать минут.

– А хор у них есть?

– Разумеется, есть. И балет. И оркестр. И балетная труппа. Жаль только, что я на их спектаклях был только три раза.

– Пошли в театр, – попросила меня Софка.

– Домовые, – печально сказал я, – уехали на гастроли в Лондон.

– Лучше бы в Рыбницу, – совсем тихо сказала Софка. – В Лондоне все есть, а в Рыбнице только зачуханный Дом культуры.

– Я скажу их администратору, когда они вернутся в Одессу, – пообещал я.

С Софкой мне было легко. Так легко, что я ей рассказал о Саше. Вернее, о моих страданиях, когда Саша меня бросила. И даже Одесса меня тогда не смогла спасти от плохих дней и ночей.

– Надо было подойти к дереву, потереться о его кору носом и загадать желание.

– Я забыл об этом чудесном способе обрести душевное спокойствие, – признался я.

– Замнем этот способ, – разрешила мне Софка. – А какая она, эта Саша?

И тут я понял, что не могу ничего конкретного сказать о Саше. Я даже не помнил, какого цвета ее глаза, и есть ли на ее лице родинки. Я впервые в этот вечер начал запинаться. Слова-звездочки стали заурядными льдинками.

– Все с тобой ясно, – сказала Софка. – Саша тебя больше не интересуется. С тобой произошла метаморфоза.

– И в кого я превратился?

– В себя, – сказала Софка. – Но, Гарик, ты повзрослел на целый год. Разве ты этого не чувствуешь?

И я почувствовал, что мне уже двенадцать лет, хоть до моего дня рождения оставалось восемь месяцев и двенадцать дней.

Учитель

Мне под пятьдесят. Я преподаю в лицее литературу. У меня пять классов – три шестых и два седьмых. Классы как классы. С двоечниками и отличниками. С умницами и тупицами.

Я и сам чувствую себя порой двоечником, а иногда отличником. Мне надо сеять в душах подростков любовь и добро, но не всегда это у меня получается. Я на себя порой злюсь и вывожу в своем воображаемом дневнике плохую отметку. От этой плохой отметки я становлюсь еще злей и мечтаю о звонке на перемену. А он, такой-сякой, все никак не звенит.

У нас хороший лицей и учителя хорошие. Особенно физик Кузьма Савельевич и географичка Екатерина Михайловна. Они – мои друзья. Самые близкие. Остальные учителя мне нравятся, но близко сходить к ним не хочется. В них нет шарма Екатерины Михайловны и обаяния Кузьмы Савельевича.

Он в школе всегда подтянут и деловит. Старается обходиться без лишних слов. Его интересует только физика и ученики. И директорский кабинет он обходит – не любит начальство, не лебезит, не переносит нравоучений. Да и Екатерина Михайловна улыбки свои редко кому из учеников дарит. Все мои семиклашки и шестиклашки стараются заслужить ее улыбку. Прилежно учат географию, никогда не путаются в названиях рек, озер, океанов, островов и континентов.

Мои друзья довольны своими учениками. Между ними и классами, где они преподают, существует идиллия.

После последнего урока я сижу в учительской и смотрю в одну точку. И вспоминаю свой педин. На моем курсе филфака учились

четыре парня и девяносто восемь девушек. Парни делали вид, что учатся. Их больше интересовали флирты с девушками. Обязательно со старшекурсницами. Они выбирали самых красивых. Я был замыкающим этой славной четверки. Я всегда влюблялся медленно и не умел танцевать и рассказывать анекдоты. Но я быстро научился клясться в любви. И эпитеты у меня были возвышенны. И глупые девушки мне верили, а потом я расставался с одной из них и искал себе новую. Так я, помнится, влюбился в Сашу Огневу. Она была ассистенткой на кафедре русского языка. Строгая и стройная девушка, старше меня на пять лет.

– Я старуха, – говорила она мне, а я ее целовал и бурчал: – Саша, хватит врать. Ты самая классная и красивая девушка. И в тебе есть вечная молодость, у других девушек с филфака ничего подобного нет.

Она жила в нашей общежитии в сто тридцать третьей комнате. Одна. Так получилось. И я приходил к ней поздней ночью, а уходил ранним утром. Юноша-невидимка. И у нас были замечательные ночи любви. А потом она ушла от меня. Почему ушла? Я не помню. Мы поссорились по пустяжному поводу. Она меня не простила, а я, дурак, не попросил у нее прощения. Перед нашим расставанием она мне всю ночь читала стихи Беллы Ахмадулиной. Здорово читала. А я ей читал английского поэта Джона Донна, того самого, которого любил Иосиф Бродский.

– Тише, – просила она. – Нас могут услышать.

И я переходил на шепот. И она переходила. И два шепота сливались в темной ночной комнате.

Я сижу и смотрю в одну точку. И ко мне приходит шестиклассник Вася Жилкин. Он нахален, но свое нахальство уже научился маскировать.

– Гарик Осипович, – говорит он мне, – я написал потрясающее стихотворение. И хочу вам его прочесть. Можно? Вы должны оценить силу моего таланта. Как Державин юного Пушкина.

– Валяй, – разрешаю я. – Но не забывай о домашнем задании по литературе. Или ты только пишешь, а не читаешь других авторов?

– Вот еще, – говорит несносный Вася Жилин. – Я и пишу, и читаю, слово одесского мушкетера.

Мне нравится Вася Жилин. Он большой проказник. Это из-за него я однажды решил поменять профессию, а он только надо мной ехидничал и говорил, что литература никому не нужна. А класс вздрагивал от его нахальства и с нетерпением ждал моего ответа.

– Я с тобой, Вася, полностью согласен. Теперь тебе остается стать министром науки и образования.

– Зачем? – Он явно ждал подвоха.

– Министр Жилин однажды запретит уроки литературы в средней школе.

– Я подумаю над вашим предложением, – пообещал нахальный Жилин.

Слава богу, уроки литературы в школах до сих пор не запретили.

...Жилин читает мне свое стихотворение. Вернее, внятным голосом произносит набор рифмованных строчек. В них нет таланта. Это я понимаю сразу.

– Клево? – боязливо спрашивает меня Вася. Он явно волнуется, но старается этого не показать.

– Не очень! – честно говорю я. – Проза с рифмами. Плохая проза и плохие рифмы.

Лицо у Жилина вытягивается, как на византийской иконе. Он, кажется, становится ниже ростом.

– Может быть, мне над этим стихотворением еще поработать? – с надеждой спрашивает он.

– Лучше напиши новое, – выношу я свой окончательный вердикт.

Жилин пятится и пропадает из учительской.

Я снова смотрю в одну точку. И вижу свое прошлое.

– Зачем, Гарик, ты так сурово разговаривал со своим учеником? – спрашивает меня Саша Огнева. – Не боишься, что он бросит писать стихи и станет заурядным чиновником-взяточником, дурным и важным?

– Все зависит от него самого, – говорю я и неожиданно добавляю: – Саша, вернись ко мне!

Хорошо, что в учительской я один.

Мой крик остается без ответа.

В Хитрово

Я летел в Мексику с пересадкой в аэропорту Хитроу, где мне предстояло провести двадцать часов. Аэропорт огромный, но я примостился на третьем этаже в маленьком уютном кафе, где было несколько мягких диванов под кожу. Впрочем, я ходил многократно по пустому пространству – оно было внушительным, – не заполненному людьми. Вечером я подумал смотаться в Лондон, но потом решил куда-то не трогаться из аэропорта.

Мотание из одного конца в другой сокращало ночь. А потом я увидел молодую пару – парню было лет двадцать пять, а девушке на несколько лет меньше. Волосы у нее были густые, словно ночь, быстро окружившая сумраком здание аэропорта, пробиться сквозь которую было невозможно, и почти золотистые, черты лица тонки и восхитительны, а парень был не очень красив, но лицо его было каким-то мягким, зазывающим – мне сразу захотелось с ним познакомиться. И с девушкой. Но как это сделать? Да и нужно ли обременять себя ничего не значащими знакомствами, которые слишком быстро прерываются, как строчки стихов, о которых не вспоминаешь десятилетиями? Когда-то давно мой друг, лучший владивостокский поэт Геннадий Лысенко сказал мне, что каждый новый человек – строчка стихотворения, а я тогда был слишком молод и ему не поверил. Я тогда, помнится, отмел и афоризм Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет – их судьбы, как истории планет».

Однажды в Тирасполе я познакомился с писателем Ахто Леви. Я читал его прозу – жестокую и настоящую. Мы жили в одной гостинице, а я тогда только начинал писать прозу и дал ему свой рассказ. О чем он был? Кажется, о земле, которую насилюют и убивают – клочок за клочком. Ахто Леви сказал, что убивают души, а не землю. Он был хмур и печален, потому что писал повесть, которая у него не выходила, а его постоянно отрывали от работы встречами с читателями, а ему эти встречи изрядно надоели, но отказаться от них он не мог. И лицо его было печальным, как у циркового клоуна после представления. Но со мной он говорил мягко и доверчиво, а я ему тараторил свои глупые мысли, ведь тогда от смущения я спасался многоговорием. А вот теперь, на-

писав и напечатав несколько книг, я прячу слова в себе – оставляю их для бумаги. И не хочу походить на политического деятеля, для которого слова ничего не значат.

Этот парень кого-то мне напоминал. Может быть, меня в молодости? Тем более что в Хитроу наверняка могли происходить чудеса. С одним моим приятелем чудо произошло: он встретил свою первую любовь, но она быстро исчезла, не хотела, чтобы он видел ее такой, как она считала, некрасивой, а в Хитроу, где несколько огромных терминалов, исчезнуть немудрено, но Павел Зотов все равно ее нашел, хоть ему пришлось полететь в Москву следующим рейсом. И он сказал ей слова, похожие на воздушные шарики, а она сразу засветилась от счастья и нежности, но своего телефона ему не дала, а только записала его телефон. И позвонила ему через три недели, но они больше так и не встретились, потому что Павел в Москве ее найти не смог – она давно уже вышла замуж и переменила фамилию. Эта ее новая фамилия представилась ему гробом их первой любви. Глаза у него были темными, когда он мне это рассказывал, вернее, двумя печально светившимися точками на черном небе, покрытом тучами, где осталось только две звезды, передающие боль.

Эти парень и девушка могли быть чехами, албанцами, словаками, французами, португальцами, греками... Плохо, когда с трудом объясняешься по-английски, а прочих иностранных языков не знаешь совсем. Но они говорили по-английски, и мне захотелось услышать и понять обрывок их диалога, чтобы выяснить, кто они такие, но они говорили слишком тихо. Я медленно прошел мимо них. Я не мог понять, чем вызвано мое любопытство именно к этой молоденькой паре. Но я не стал заниматься поисками ответа на этот случайно возникший вопрос. Может быть, я чувствовал, что, разгадывая его, я быстрее скоротаю вялотекущую, как всегда в аэропортах, ночь?

На шестой мой проход от одного конца до другого мне померещилось, что девушка, приподнявшись, потянулась мне навстречу, но вполне допускаю, что мне это всего лишь показалось. И все-таки она хотела встать, но парень ей что-то сказал, и она осталась сидеть рядом с ним, встряхнув своими золотистыми волосами. А я подумал, что это она сделала для меня. И мне, честное слово,

послышался звон, вернее, внезапно зазвучала флейта. И под пение флейты я пошел дальше. Парень обнял девушку, словно накрыл ее своим крылом. Я этого не видел, но чувствовал, и начал ей нашептывать «Ноктюрн» Гарсиа Лорки, его я слышал не один раз и с детства знал наизусть.

Тут засветился огромный экран, и на нем возникли силуэты его и ее. Да-да, именно этого парня и этой девушки, я не мог ошибиться. И громко на весь зал зазвучал Лорка со своим стихотворением-мольбой, ведь только так пишутся стихи, чтобы мольба была услышана.

А я подбежал к ним, хоть и знал, что бегаю совсем некрасиво, и сказал, что давно уже люблю Гарсиа Лорку, а девушка мягко произнесла:

– Мы знаем это, ведь мы встречались на поэтическом фестивале в Брюсселе несколько месяцев назад. И тогда вы читали нам Лорку. А эту запись мы попросили поставить для вас.

Но ведь они никуда не отлучались?

И тут я вспомнил, что в аэропорту Хитроу случаются разные удивительные истории.

Я забыл сказать, что тогда мобильных телефонов еще не было.

